

Сяньсянь ответила:

— Спрашиваете про Вэй-госпожу? Только что видела, как она пошла вперёд, наверное, встречать Цуй Вторую.

— Я тоже пойду, — сказала я.

Сделав несколько шагов, я остановилась.

— Я хорошо выгляжу?

Сяньсянь рассмеялась:

— Прекрасно. Во всём дворце, кроме Тяньхоу, нет никого прекраснее вас.

Я спросила снова:

— Тебе нравится моё лицо?

Сяньсянь слегка удивилась, но ответила с прежней лёгкостью:

— Разумеется, нравится. Жаль, что я не родилась мужчиной, а то бы из кожи вон лезла, чтобы взять в жёны принцессу.

Я внимательно следила за её лицом: выражение было совершенно естественным, совсем не таким, как недавняя испуганная смущённость Вэй Хуань. На душе у меня потеплело. Я кивнула ей и с серьёзным видом изрекла:

— Будь ты мужчиной, попасть во дворец было бы непросто. Разве что поступить, как Фэн Шилян, — оскотиться.

Не дожидаясь ответа, я припустила вперёд. В передних покоях как раз застала Цуй Мин-дэ и Дугу Шао, которые снимали обувь. Я подбежала к ним.

— Как вовремя вы пришли! У меня для вас много всего интересного.

Повернувшись к Вэй Хуань, стоявшей поодаль с нахмуренным лбом, я сказала:

— Гости прибыли. Принеси мой лучший чай и те костюмы для игры в мяч, что я сегодня получила.

Дугу Шао улыбнулась:

— Что за событие сегодня, раз вы так радуетесь, Эрнян?

— Разве не стоит радоваться, когда друзья приезжают издалека? — ответила я, улыбаясь и то и дело поглядывая на Вэй Хуань. Мне казалось, что на всём свете нет никого прекраснее и увлекательнее неё.

Из-за утренней прохлады, не подходящей для верховой езды, мы с Дугу Шао договорились встретиться после полудня, но она явилась раньше. На воротах, где я заранее распорядилась, её сразу проводили внутрь. Как раз в это время из Цзяофана прибыла с визитом Чжан Сынян. Зная, что Дугу Шао искусна в танцах, я пригласила их обеих в боковой зал.

Этот зал был предназначен для представлений и пиров. Поскольку я не любила шумных сборищ и редко устраивала приёмы, обстановка в нём была скромной. Я даже боялась, что Цуй Мин-дэ и Дугу Шао сочтут его убогим, но, войдя, увидела, что всё преобразилось: стены сплошь увешаны украшениями с драконами, фениксами, водорослями и черепахами, занавеси сшиты из новейшей цветной парчи — яркой и переливающейся, а на полу расстелили новый ковёр из красных нитей, сверкающий всеми цветами радуги. Ковёр из красных нитей делали в Сюаньчжоу. По яркости он не уступал шускому шёлку, а по мягкости превосходил даже тончайший войлок. Но из-за того, что на один чжан уходила тысяча лянов шёлка-сырца, он был невероятно дорогим и потому не входил в число обычных даней. На день рождения матери из внешних областей прислали шесть штук — всего меньше ста чжанов. Отец, любивший музыку, даже во время болезни не расставался с танцами и мелодиями, но и он не решался стелить такой дорогой ковёр на сцене для «ста игр». А сегодня мне разом пожаловали два отреза по тридцать чжанов. Я ещё думала, не вынести ли их за пределы дворца, продать и положить деньги в казну, но Вэй Хуань распорядилась быстро: ковёр, пожалованный утром, к полудню уже лежал на полу танцевального зала.

Дугу Шао, войдя, принялась оглядываться по сторонам: то потрогает занавеси, то рассмотрит резьбу на стенах, то пошаркает носком туфельки по ковру. Последнее она делала особенно долго и с восхищёнными восклицаниями. Наконец она сложила руки в почтительном жесте и сказала:

— Часто слышала о великолепии императорского дома, но видеть не доводилось. Лишь сегодня поняла, что и в мире людей есть такие райские места.

Цуй Мин-дэ бросила на неё беглый взгляд, но промолчала. Я лишь улыбнулась ей в ответ, а сама, отойдя в сторону, подозвала Вэй Хуань:

— Почему всё так пышно украсили?

С детства мои покои были убраны богаче прочих, но нынешний декор поразил даже меня. Ковёр из красных нитей и цветная парч — это ещё куда ни шло, но тридцать с лишним цветных свечей толщиной с детскую руку... одни они стоили целое состояние, и в обычные расходы никак не входили.

Вэй Хуань ответила шёпотом:

— Цветные свечи — дар князя У. Говорят, горят шесть часов не сгорая. На нашу долю выпало пятьсот штук. Подумала, вещь необычная, продать вряд ли получится, так что лучше использовать. А подвески на стенах и цветную парч тоже прислал князь У.

— Он, однако, кровь из себя пустил... то есть, не поскупился, — поправилась я.

Вэй Хуань усмехнулась:

— Твоё выражение очень метко — будто кто-то порезался и истекает кровью. Много лет не бывал в столице, вот и рвётся угодить здешним сановникам при первой же возможности. Слышала, наследному принцу он двух небесных коней поднёс, да шёлка, парчи и прочей материи несколько телег нагрузил. Но принц всё вернул, сказав, что нельзя поощрять мотовство.

Я с упрёком воскликнула:

— Тогда почему ты не вернула?!

Она посмотрела на меня, и я тут же поняла, что сказала глупость. Наследный принц — старший брат, почти государь. Поучать младших — его право. А если я, младшая сестра, стану возвращать подарки, это будет прямым оскорблением.

Вэй Хуань, видя, что я сообразила, уголком губ тронулась улыбка:

— По сравнению с тем, что он подарил наследному принцу и князю Цзи, твоя доля — сущие пустяки. За стенами дворца цветные свечи в ходу у многих знатных домов, твои не выделятся. Да и император специально пожаловал тебе ковёр из красных нитей — явно чтобы ты его использовала. Я половину израсходовала, а оставшуюся придержу для твоего приданого.

Последнюю фразу она добавила явно в шутку. Но я-то была погружена в свои думы, и мне её слова показались пропитанными ревностью. Я взглянула на неё и медленно произнесла:

— Моё приданое дворцовая служба сама приготовит, тебе незачем хлопотать. А вот твоё приданое, пожалуй, и впрямь придётся мне собирать.

Улыбка мгновенно сошла с лица Вэй Хуань, брови её сдвинулись.

— Я пошутила, а ты сразу княжеские повадки проявлять.

Я не ожидала такой резкой перемены и замерла в недоумении. Она же уже отошла на несколько шагов. Тем временем Чжан Сынян из Цзяофана и прочие её спутницы вошли в зал и дружно склонились в поклоне.

Отец не жаловал пышности, и при дворе все старались не переходить границ приличия в одежде. Но люди из Цзяофана были иными: высокие причёски, широкие брови, нарумяненные щёки, алые губы, разноцветные юбки в полоску — короче, чем принято при дворе, — а под ними полосатые штанины и мягкие туфли с загнутыми носами. Чжан Сынян же и вовсе дерзко надела красно-зелёную юбку, медное украшение в виде рыбы и шпильки с нефритовыми подвесками. Она, не проронив ни слова, сначала одарила всех ослепительной улыбкой, а потом произнесла:

— Приветствуем принцессу. Наше ничтожное искусство удостоилось вашего внимания — великое счастье для нас.

Когда она подняла голову, мне показалось, что я её где-то видела. Но где именно и в какой постановке — вспомнить не могла. Я спросила:

— Что ты умеешь танцевать?

На лице Чжан Сынян мелькнуло удивление. Даже Дугу Шао с любопытством на меня взглянула.

— Что это ты на меня так смотришь, Шилюнян? — поинтересовалась я.

Дугу Шао ответила:

— Разве ты не знаешь, Эрнян? Эта госпожа Чжан Сынян — знаменитость из Цзяофана, исполняет «Таяонян».

Я даже названия такого не слышала. Только собралась спросить, как Чжан Сынян сама с улыбкой вмешалась:

— Деревенский шуточный танец, недостойный внимания принцессы.

Цуй Мин-дэ тоже добавила:

— При дворе и своих талантов хватает. Где уж тебе знать обо всех.

Услышав такое, я, напротив, заинтересовалась и велела Чжан Сынян показать этот танец. Та перевела взгляд с одного на другого и с той же улыбкой ответила:

— Простите, принцесса, мы не знали, что вы пожелаете увидеть именно этот танец. Мой брат не пришёл. Этот танец исполняют вдвоём, а в Цзяофане со мной может справиться только он. Сегодня он ушёл в другой дом. Умоляю, прикажите вызвать нас в другой раз.

Дугу Шао спросила:

— Брат госпожи Чжан — это Пэй Жуньян?

Чжан Сынян кивнула и, улыбаясь, взглянула на Дугу Шао:

— Юная госпожа, кажется, хорошо осведомлена о делах Цзяофана.

Дугу Шао ответила улыбкой:

— В детстве я тоже училась танцевать с шестом и исполнять танец чжэчжи, потому и наслушалась разных историй.

Чжан Сынян сказала:

— Если вы долго обучались танцам, быть может, сможете сыграть А-шущзы?

Дугу Шао ответила:

— Видела несколько раз, но сама не исполняла. Если госпожа Чжан Сынян не против, можно попробовать.

Чжан Сынян вопросительно взглянула на меня. Я же думала о Вэй Хуань и тоже посмотрела на неё. Та, однако, с большим интересом наблюдала за Чжан Сынян, а потом перевела взгляд на остальных танцовщиц. Я вспомнила, что за стенами дворца у неё не так уж много возможностей смотреть танцы, и решила, что пусть уж лучше они сейчас выступят для неё. Я улыбнулась:

— Если так, тогда придётся потрудиться тебе, Шилюнян.

Услышав это, танцовщицы с весёлым гомоном окружили Дугу Шао и Чжан Сынян, принялись их наряжать и гримировать, а у моих служанок попросили мужскую одежду и головные уборы. Музыканты «сидячего отделения» достали барабаны, гонги, облачные плитки и прочие инструменты. Поднялся радостный шум.

Я ничего не понимала в происходящем и подошла к Вэй Хуань.

— А-Хуань, а ты знаешь, что в этом танце особенного? Почему они так обрадовались?

Вэй Хуань ответила:

— Не знаю. А Цуй Вторая знает?

Цуй Мин-дэ равнодушно пояснила:

— «Таяонян» — деревенский шуточный танец. Один наряжается мужчиной, его зовут «А-шущзы». Другой наряжается женщиной. Они идут, пританцовывая, и поют. Отсюда и название — «топчущаяся и поющая».

<http://bllate.org/book/16278/1466559>